

АЛЕКСАНДРА ЗАЙЦЕВА

Встречное движение

Александра Зайцева

Я, не я, Жанна

«Самокат»

2021

Зайцева А. В.

Я, не я, Жанна / А. В. Зайцева — «Самокат», 2021 — (Встречное движение)

ISBN 978-5-00167-312-5

«Моя мама — инфлюенсер» — для многих звучит как мечта, согласитесь? Но только не для Полины, которая без особой на то причины вдруг стала героиней популярного блога «Как приручить подростка». Раньше Жанна, её мама, писала посты о путешествиях и благотворительности, а теперь вместе с комментаторами обсуждает поведение дочери: любовь к фанфикам, застенчивость, выбор университета. Найти понимание офлайн у Полины не выходит и она заводит свою собственную страничку – чтобы писать о личных границах, критике и диалоге. В правом углу ринга — «Бегущая вдаль», в левом — «Стоящая на краю». Кто победит? 5 причин прочитать книгу «Я, не я, Жанна»:

- Тема социальных сетей, блогинга, погоня за лайками и охватами вступает в конфликт с человеческими отношениями мамы и дочери;
- История противостояния поколений от автора повести «Девочке в шаре всё нипочем»;
- Здесь нет победителей и проигравших, каждый выносит свой опыт;
- Книга напоминает о том, что одно из доминирующих чувств, которое испытывает подросток – стыд. Подростку может быть больно от чужого внимания, прикосновения, насмешки, не говоря уж о публикациях его переживаний в многотысячный паблик;
- Новая этика семейных взаимоотношений во времена, когда у каждого члена семьи есть свой аккаунт, и даже не один.

ISBN 978-5-00167-312-5

© Зайцева А. В., 2021

© Самокат, 2021

Содержание

Информация от издательства	7
1	8
2	11
3	14
4	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Александра Зайцева Я, не я, Жанна

Серия
Встречное
движение

© Зайцева А., текст, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательский дом «Самокат», 2021

* * *

Информация от издательства

Художественное электронное издание

Для среднего и старшего школьного возраста

В соответствии с Федеральным законом № 436 от 29 декабря 2010 года маркируется знаком 12+

Жанна – мама подростка и популярный блогер. А Полина – тот самый подросток. Не трудный, самый обычный, и быть основной темой маминого блога не входит в ее планы. Донести эту мысль до Жанны, между ее занятиями йогой и приступами благотворительности, непросто. Полина заводит собственную страничку. Теперь в красном углу ринга – «Бегущая вдаль», в синем – «Стоящая на краю». Это война?

Александра Зайцева – автор книг для подростков, лауреат литературной премии имени В. П. Крапивина, дважды финалист конкурса на лучшее произведение для детей и юношества «Книгуру». Повесть «Я, не я, Жанна» вошла в короткий список конкурса 2021 года.

1

Если бы я встретила его... да, это он играл главную роль в том фильме, это он поёт ту песню, из-за которой мне трудно дышать, это он смотрит с каждого второго постера... так вот, если бы я встретила его, то сказала бы: «Ты полюбишь меня, когда узнаешь. Клянусь. На вид я унылая посредственность, но именно ты отыщешь во мне нечто особенное. Только смотри внимательно, пожалуйста, дай мне шанс!»

Вот так.

Но в тесте с вопросом «Что бы вы сказали вашему кумиру?» я выбрала самый короткий и скучный ответ: «Вы лучше всех!» – а в жизни наверняка бы молчала и пялилась. Или: «О-о-о, э-э-э, это вы, ах!» Или самое гнусное: «Можно автограф?» Кому вообще нужны эти автографы и для чего? Закорючка на бумажке, вроде «отвяжись».

Глупо.

Я вышла в меню сайта и открыла другой тест. «Кто вы из героинь известных книг». Наверняка в итоге обзовут Анной Карениной или Ассоль, в лучшем случае ведьмой из «Короля Лира», а варианта с попаданками не будет. Знаю, уже проходила. Но я хочу стать именно попаданкой. Выпрыгнуть из своей хомячьей коробки туда, где уж точно буду особенной. Где приключения, магия, всё такое. А Жанна говорит, что каждый человек изначально уникальный, тем более я, – просто надо раскрыться миру.

Ну да, ну да. Звучит неплохо, но как-то слишком неконкретно. Вроде мотивирующей надписи на картинке с красоткой на фоне заката: «Полюби себя и покоришь всех» или «Вселенная слышит тебя, доверься ей!» Редкостная фигня. Но не для Жанны. Она привыкла сыпать всякими лозунгами, потому что постоянно торчит в интернете и раздаёт добро. Правда, с ней можно поговорить и нормально, без пустых красивостей, если повод серьёзный. Только прямо сейчас нельзя.

Сейчас из комнаты Жанны доносится дикий грохот, который она называет музыкой. На мой вкус, это визг электродрели, отбойный молоток, падающие метеориты, топот лошадей всадников Апокалипсиса, рёв пьяных матросов и хохот гиен во тьме. Музыка, ага. На полную громкость, потому что Жанна занимается йогой для физического и морального здоровья. Если бы я и захотела, переорать этот бедлам невозможно. А если бы переорала, Жанна следит за дыханием и отвечать не станет. Это её очередное увлечение – йога. Она говорит: «Я выгорела, просто не человек, а пепелище, надо подлатать энергетическое тело». И ещё: «Почти сорок, физическое тело тоже в беде».

Но как по мне, это большое преувеличение – выглядит Жанна лучше многих. Когда мы где-нибудь в людном месте, внимание обращают на неё, а не на меня. Она вся такая маленькая, подтянутая, подвижная, её улыбки вроде хлопушек – бах! – сыплются конфетти и блёстки. И уж сорок ей даже с натяжкой не дашь, даже тридцать пять. А я неприлично рослая и медленная рядом с Жанной. Мишка косолапый по лесу идёт.

«Просто ты ко всему относишься ответственно, основательно, без суеты, – говорит она. – Задумчивый надёжный человек не обязательно скучный». Оптимистка.

Интересно, она правда выгорела со своим интернетным добром или уже вовсю раскручивает новый проект? Интересно.

Жанна в Сети – «Бегущая вдаль». Это ещё со времён её блогерства на тему путешествий, вполне успешного, кстати. К волонтерству тоже подошло, а сейчас...

Как приручить подростка?!

Все люди в глубине души считают себя исключительными. Это не эгоизм и не тщеславие, просто мы пропускаем абсолютно всё через собственные органы чувств и познавать

реальность иначе не приспособлены. Да, где-то у сердца мы носим свою бесценную значимость, словно котёнка во внутреннем кармане куртки. У подростков же это не котёнок, а злоющая бестия с острыми когтями. Она ранит, она рвётся на волю, она требует поклонения. Моей дочери шестнадцать, тот самый возраст, и я знаю ситуацию очень хорошо. И знаю, что мы, родители, способны приручить бестий наших взрослеющих детей. Например, моя дочь...

Дочь – это я.

Родитель – это Жанна.

И если бы не йога, через которую невозможно пробиться, я бы попыталась придушить её прямо сейчас. Но вместо кровопролития сидела и читала. Читала и чувствовала себя раздетой, избитой, вывернутой наизнанку. Она рассказала о моей любви к фанфикам и женскому фэнтези, да так, что я оказалась полной дурой, которая придумала себе кучу комплексов и ударилась в нытьё.

И, конечно, набежали комментаторы. Комментаторши.

Одна тётка написала, что детишек нужно пороть старым добрым ремнём, но сначала отобрать гаджеты. Я зарегистрировалась как «Тыжемасть» и назвала её тупой коровой. Ясное дело, под своим именем такое не напишешь. И злилась я не на тётку, а на Жанну. Но подумала: а почему бы и нет, что они мне сделают?

Ещё я написала какой-то Колибри, что сама она неблагодарная свинья, раз считает, что сын должен её обожать за стирку и суп. А потом высказалась на тему размышлений Жанны: она предательница, выставляет своего ребёнка на всеобщее обозрение, за человека не считает, корчит из себя мудрую, но в действительности подличает ради дешёвой популярности.

И так я разошлась, что всё-таки вломила к ней и выключила музыку. Вот только что явно простуженный мужик визжал и рычал под грохот Третьей мировой войны, и – бац – тишина. Безмолвие. Даже воздух стал прозрачнее.

Жанна будто не заметила. Она лежала на старом туристическом коврике посреди комнаты, в лифчике и пижамных шортах, ноги за головой, глаза закрыты, дыхание громкое и глубокое. Нарочно такое дыхание, типа очень полезное. Выглядело это не слишком привлекательно, кожа на её тощем животе собралась в складки, лицо покраснело, и пахла она потом, но всё равно казалась мне очень красивой. Только я пришла не любоваться.

– Видела твою новую статью в блоге, – сказала я очень-очень спокойно, но словно жирно подчёркивая красным каждое слово. Папина фирменная интонация.

Она даже глаза не открыла.

Вдох.

– Хорошо.

Выдох.

– Ничего хорошего. Что это такое?

Вдох.

– Асана. Плуг.

Выдох.

– Я про статью.

Жанна осторожно вывела прямые ноги из-за головы и опустила на пол. Теперь она просто лежала на спине, глядя в потолок. Я подошла и вытянулась рядом. И подумала, что мы похожи на двух детей в траве под летним небом. Только вместо солнца – пыльный плафон на три лампочки, но один патрон давно испортился. Рядом – пятнышко от прихлопнутой мухи или комара. Чуть дальше слегка покачивается на сквозняке тонкая паутинка, поблёскивает как седой волос. У Жанны полно седых волос, она их закрашивает и становится коричнево-рыжей. «Каштанка – помесь дворняги с таксой», – смеётся она.

– Слушай, как считаешь, мы с тобой друзья? – кажется, Жанна спросила не меня, а останки потолочной мухи.

– Не знаю.

– Жаль. Такие вещи нужно знать.

– Мам, – я не называю её Жанной в лицо, только мысленно, причём всегда голосом Русика. Потому что он здорово это произносит: «Жа-анна», чуть растягивая первую «а». Если раз услышишь, уже не отвяжется. – Мы друзья. Но в этой твоей статье – нет. В ней ты – главная, а я – пустое место.

– Ничего подобного.

– Ты изобразила меня безмозглой малолеткой.

– Да брось!

Вот этого я не ожидала. Настроилась на уговоры или хотя бы спор с аргументами, а она просто отмахнулась. Возмущение подбросило меня вверх, поставило на ноги и понесло к двери. Я была уверена, что Жанна окликнет, чтобы объяснить, но, когда обернулась, она уже приподнялась на лопатках, выгнулась мостиком и снова задышала.

– Я тебе там написала своё мнение. Надеюсь, поймёшь, – многозначительно выдала я.

Вдох.

– Угу.

Выдох.

2

Она меня заблокировала! Без разговоров взяла за шиворот и выкинула из обсуждения! И написала новую статью – о подростковом троллинге. Мол, аморальное поведение деток в Сети – ещё один способ почувствовать свою значимость и попытка примерить разные социальные роли. А когда я опять толкнулась в её комнату, дверь оказалась запертой.

– Я на галерах! – крикнула Жанна.

Это значит, работает. Сочиняет отзывы на товары и услуги, рекламные агитки, статистику, гороскопы, душещипательные жизненные истории для журналов средней паршивости или обзоры для киношных сайтов. Она всё может, говорит, главное – иметь под рукой словарь синонимов и побольше наглости.

Ну да, чайник горячий, на обеденном столе открытая банка из-под кофе, рядом грязная десертная ложка. Жанна всегда делает крепкий кофе и забирает чашку в комнату, к ноутбуку. Обычно это папина чашка. Вообще, они одинаковые – её и папина, – большие керамические монстры, только у него синяя, а у неё оранжевая. Она берёт синюю. Сидит сгорбившись несколько часов и не пьёт, забывает, а потом без сожалений выплёскивает остывшую бурду в мойку. Раньше одного раза хватало, теперь она может торчать за работой весь день и заваривать кофе снова и снова. «У меня интернет-зависимость», – говорит Жанна. Поэтому же не покупает смартфон и пользуется раздолбанным доисторическим телефоном. Чтобы не было искушения нырнуть в Сеть вне дома. Например, в поездках.

Раньше мы много путешествовали. И обязательно влипали в мелкие неприятности. Жанне ведь недосуг просто позагорать на пляже, ей надо забраться в глушь, найти там дичь, пощекотать нервы. Поэтому её тревел-блог народу нравился – тысячи подписчиков, бурные обсуждения. А потом что-то произошло, но я так и не поняла, что именно.

К тому моменту папа уже отчалил во Владивосток по своим автомобильным делам. Чем конкретно он занимается, мне не объясняли, а я никогда особо не расспрашивала. Машинами. Папа работает, этого достаточно. У пап ведь так и должно быть: с утра обливаются одеколоном и уходят, возвращаются поздно, поругиваясь, что припарковаться негде, устало укладываются перед телевизором и начинают переключать каналы каждые пять секунд. Ну, ещё с ними можно пересечься на кухне ночью, когда у пап бессонница. Посидеть рядом, заглядывая в сканворд и прихлёбывая чай. Пухлые сборники сканвордов лежат стопкой на подоконнике, но прикасаться к ним запрещено, только папы могут вписывать мелкие буквы чернильной ручкой. «Архитектурный полукруг», – говорят папы. «Арка», – отвечают дочки. Такой разговор. Хороший, по делу. А если не спрашивают, помолчать тоже неплохо. Папы – вроде больших деревьев: сидишь в тени, прислонившись спиной к стволу, и ничего другого не надо.

Но папа уехал. И мы тоже. Без него, с Русиком, который не очень-то хотел. Русик вообще тяжёлый на подъём, вечно отмазывается учёбой. Но Жанна говорит, что нам просто необходим защитник, типа мы пропадём без длинного нескладного буратино, у которого постоянно такой вид, будто он попал под дождь и страшно из-за этого расстроился. Но лучше защитник Руся, чем никакого, с этим не поспоришь.

В общем, мы погрузились в серебристую малолитражку Жанны и рванули на Кавказ, искать в горах какой-то совершенно космический дольмен.

– Не поверите, насколько это мощная штука! Прямая связь с вселенским разумом! Энергетический колодец. Или портал. Или чёрт его знает, но запредельно мистическое место. Дольменов в мире немного, и большинство – здесь, на Кавказе. Учёные толком не знают, откуда они и для чего, но ясно, что древние, как г... бивни мамонта. Наверное, в них хоронили жрецов, или приносили человеческие жертвы, или запирали ими силы зла. Короче, энергетика сумасшедшая! – Жанна немного задыхалась, продираясь через густые папоротники.

Мы с Русиком плелись следом и даже не пытались делать вид, что слушаем. Сначала лес радовал: к середине весны он уже позеленел, закрыл небо плотными кронами и наполнился таинственным влажным сумраком. Но лезть вверх по крутому склону слишком утомительно. А Жанна как истинный герой пёрла напролом, по мшистым камням, через завалы сухих веток и колючие кусты, то и дело натыкаясь на липкую паутину. При этом ухитрялась восхищаться птичьим пением, чистейшим воздухом, грибочками-цветочками-речечкой-водопадиком.

Через пару часов Русик заподозрил, что мы заблудились, и предложил вернуться в посёлок. Жанна назвала его слабаком. Пришлось топтать дальше и выше. Потом разнылась я. Бесполезно. И когда мы были готовы окончательно взбунтоваться, чтобы больше ни шагу вперёд, Жанна вывела нас к дольмену.

Дольмен – это такой дом. Четыре стены из здоровенных каменных блоков, сверху плоская плита вроде крыши, и круглое отверстие с одной стороны. Не понять – окно или лаз. Совсем круглое, будто вырезанное по циркулю. Стоял дольмен на пригорке, а вокруг – редкие берёзы – белые, тонкие и очень высокие. Берёзы-анорексички, у которых сил даже на нормальную листву не хватило, а только на жухлые мелкие ошмётки.

Сами каменные блоки дольмена были неровными, немного бугристыми, заросшими лишайниками и пухлым, как губка, тёмно-зелёным мхом. Я побродила вокруг, пощупала. Прислушалась к древней каменюке, потом к себе, стараясь пробудить шестое чувство, но нет, ничего. Скучно. А Русик и подходить не стал – уселся на траву и заявил, что натёр ноги.

– Его надо попросить, – сказала Жанна и кивнула в сторону дольмена.

– Накормить и спать уложить, – пробормотала я, усаживаясь рядом с Русей.

– Лучше меня накормите. – Руся похлопал ладонью по рюкзаку, чтобы я приземлилась на него, а не на холодную землю. – Последнее печенье ещё утром догрызли.

– Шашлыка бы сейчас, – вспомнила я придорожное кафе с мангалом.

– Или хотя бы котлет.

– И картошку-пюре.

– И салат.

– Помолчите, – попросила Жанна.

Мы послушно затихли. И я подумала, что всю дорогу птицы просто надрывались в лесу, а сейчас их нет. Нереальная тишина. И лёгкий болотистый душок, сырой и немного плесневый.

Жанна подошла к дольмену, раскинула руки, прижалась к шероховатой стене всем телом. Распласталась и застыла. Хоть дольмен был повыше Русика (а у него метр восемьдесят роста), не сказать, что такой уж громадный. Но Жанна казалась потерянной на фоне каменной плиты. Хрупкой. Уязвимой, вот. Мне стало за неё страшно, не знаю почему, но захотелось поскорее уйти. Беда! – поняла я. Только что за беда, случилась она или на подходе? А может, просто место здесь атмосферное, в самый раз для ужастика?

– Русь? – шепнула я.

– Тс-с-с. Жанна. Просит, наверное.

Я хотела сказать, что у неё и так всё есть, но покорно закрыла рот. Ладно, потерплю, раз припёрлись.

Ждали мы минут десять, потом Жанна отлепилась от камня и не глядя на нас пошла назад. Мы рванули следом, почти скатываясь по склону, оскальзываясь на прошлогодних листьях и глинистых тропках. Не разговаривали, спешили, словно кто-то подталкивал в спину. Уверена, смутное чувство тревоги накатило не только на меня – на Жанну и Русика тоже. Потому что, когда за деревьями показались шиферные крыши маленького посёлка, все мы вздохнули от облегчения и радостно переглянулись.

Не знаю, как обстояли дела с просьбой Жанны, а мы с Русиком получили сполна и сразу.

Кафе так и называлось: «Кафе». То есть именно это было написано на картонке, которая косо болталась на заборе у серого одноэтажного дома.

– Нет, – сказала Жанна, – найдём что-нибудь попримечнее.

– Да! – не согласились я и Русик. Вот теперь уступать мы не собирались, на два голоса расписывая, какие мучения пережили ради её дурацкого дольмена. И Жанна сдалась.

Металлическая дверь открывалась тяжело, будто её держала тугая пружина. Но Русик справился, мы шагнули в дом и невольно остановились на пороге. Великолепие кафе ошеломяло. Небольшая комната на четыре массивных деревянных стола была забита хламом под самый потолок, да и с потолка свисали пёстрые гирлянды искусственных цветов, разноцветные буддийские флажки, китайские колокольчики и зелёные знамёна с полумесяцами. В свете пары тусклых лампочек на стенах поблёскивали расшитые золотом коврики с арабской вязью, иконы, картины с многорукими индийскими божествами, плакаты с иероглифами, распятия. В одном углу – статуя Будды, в другом – Дева Мария. Свечи, чаши, статуэтки, напольные вазы с охапками сухих колючек, а всё вместе – настоящий взрыв мозга. К тому же здесь одуряюще пахло палой листвой, молотым чёрным перцем и отварной картошкой.

Картошка булькала в кастрюльке, кастрюлька исходила паром на квадратной электрической плитке, а та стояла прямо на барной стойке. Смуглая толстая тётка задумчиво помещивала картошку, не обращая на нас внимания. Я как зачарованная смотрела на перемигивание камней в её золотых перстнях – по две штуке на каждом пальце.

– Баян, – хмыкнул Русик.

– Что? – не поняла Жанна.

Он ткнул рукой в потрёпанный листок на стене и пояснил:

– Старая шутка, сто лет назад по интернету гуляла.

Я подошла ближе.

«Кафе „Карма“. Меню нет. Что заслужил, то и получишь», – сообщал листок.

– Зашибись.

Тётка вскинула чёрные глаза, колыхнула тремя подбородками и отрывисто выдала:

– Всё кончилось.

– А картошка? – удивилась я.

– Только она и есть. Пюре сделаю. И немножко котлеты остались.

– И салат? – недоверчиво выдохнул Русик.

Тётка смерила его долгим взглядом:

– И салат.

– Вот и хорошо, – улыбнулась Жанна. – Давайте всё.

А потом, уже за столиком, когда мы расправились с котлетами, до меня дошло:

– Мам, ты что, без фотоаппарата?

– Без.

– А как же снимки? Ты ведь всегда делаешь снимки для блога.

Она чуть пожала плечами:

– Надоело.

– Серьёзно?

– Абсолютно... Хватит, больше никаких разъездов. Суета одна, а жизнь проходит.

Так закончились наши путешествия. Жанна прикрыла тревел-блог и занялась добром.

А теперь вот – «Как приручить подростка».

Я смахнула крошки со стола, убрала банку из-под кофе, сполоснула ложку. Поскреблась в комнату Жанны, словно были шансы, что откроет.

Ну и ладно! Пойду гулять, отключу телефон, и ломай голову, где меня носит! Может, поумнеешь немного. А если нет, то плевать. Мы, подростки, бессердечные и злые, только о себе думаем и плюёмся похлеще верблюдов.

Я натянула ботинки, пальто, красную шапку с придурочными треугольными ушами на макушке – и шваркнула дверью. Вот тебе!

3

Одна моя бывшая одноклассница панически боится спускаться в метро. Она даже сменила нашу гимназию на обычную школу возле дома, чтобы на занятия ходить пешком. И хоть мы не дружили – я вообще ни с кем особо не дружу – вспоминаю её часто. Из-за метро. Всякий раз, когда стою на платформе, специально на предупредительной линии, так и вижу эту девчонку. Вот она спокойно ждёт в толпе, вот толпа мягко напирает, но пока не опасно, вот кто-то вскрикнул, побежал, кто-то за ним, толпа заволновалась, сжалась, и – бац! – внезапный толчок в спину. Платформы высокие, а там, внизу, блестящие рельсы... я словно становлюсь той девчонкой и чувствую сначала пустоту вокруг и внутри, будто сознание вышибли из тела, потом жёсткий удар этим безвольным телом, но больше всего – ужас. Потому что упала и не могу двинуться, даже крикнуть. Потому что в лицо бьёт поток ледяного воздуха из тоннеля и нарастает, нарастает, нарастает гул электропоезда.

Девчонку успели вытащить. А меня успели бы?

Нет, я не собираюсь бросаться с платформы, это просто навязчивая фантазия. Анна Каренина – явно не про меня, хоть тысячу тестов пройди. Но воображать такое – как трогать языком трещинку на обветренной губе или обгрызать ноготь: если начала, уже не остановишься. Люди ведь редко примеряют на себя чужое счастье, гораздо охотнее – всякие ужасы.

И метро я не боюсь, оно мне нравится. Люблю метро. За сквозняки, за музыкантов в переходах, за то, что всё течёт: звук, толпа, воздух. И я в этих потоках лёгкая и невидимая – крошечное белое тельце в кровеносной системе города.

Отдельное удовольствие – рассматривать людей на встречных эскалаторах. Там может оказаться он, удивительный человек, то есть парень. Потому что подземелье – самое подходящее место для невозможного. И если бы я встретила его, то сказала бы... стоп, это мы уже проходили.

На самом деле я прекрасно знаю, что не будет никаких эскалаторных встреч, но всё равно стою на ступеньке, затаив дыхание. А когда замечаю среди плывущих в другую сторону кого-то похожего на мечту, он смотрит в свой телефон или вверх толпы, но только не на меня. Иногда я словно сцепляюсь глазами с тоскливыми взглядами других ищущих, узнаю в них себя и быстро отворачиваюсь. Почему-то становится неловко.

Так бывало, но не сегодня.

Сегодня все люди казались настолько некрасивыми и тупыми, что провались они пропадом. Наверняка из-за Жанны. Ладно новый блог, который сам по себе портит настроение, так она ещё пнула меня как собачонку.

Хотя нет, собачонок Жанна жалеет. В ялтинском отеле, например, бегала по двору мелкая псина – репейная метёлка на коротких лапах, лохматая, грязная и невозможно уродливая. «Приблудилась, – пожаловалась администраторша. – Мы называем её Чмошка». Жанна подкармливала это собачье недоразумение, а потом решила забрать домой, в Москву. «Ты посмотри в глаза! В них же нечеловеческая святость!» Хорошо, что в день отъезда Чмошка куда-то свинтила, а то бы пришлось мучиться с ней в одной машине всю дорогу. И хорошо, что дома Жанне расхотелось иметь питомца, потому что она скинула бы его на ответственную меня. Но уважать собак Жанна не перестала.

Так что пнула она меня как... как... как никого больше.

Не знаю, можно ли всё это точнее объяснить, но я старалась, когда выбралась из метро, бездумно отмахала по центру километров пять под морозящим дождём и забрела в кофейню к Русику.

– О, Полина, – сказал он вместо приветствия. Будто нет ничего необычного в том, что я пришла. Пришла по темноте – а уже пару часов как стемнело, – мокрая, сердитая, без звонка. Я ведь не знаю график его смен и не забираюсь так далеко от дома по вечерам.

Русик выключил смартфон, сполз с высокого барного табурета и поплёлся за стойку:

– Что будешь?

Я потянула носом кофейно-коричный аромат и огляделась. Полумрак и безлюдье, только парочка в углу. Романтично лопают десерты под тихие постанывания джазовой певицы из стереосистемы. Скукота. Неужели ничего поинтереснее не могли придумать для свидания?

Русик громыхнул чашками.

– Сделать ореховый раф?

– Давай.

Потом мы сидели рядом за стойкой. Я грела руки об высокий бокал и слизывала с его края молочную пенку, поглядывая на своё отражение в зеркале. Вот чучело. Когда сняла шапку, волосы некрасиво вздыбились, но приглаживать лень. Русик снова нырнул в смартфон. Певицу сменили завывания саксофона, вполне приятные, просто от них стало ещё тоскливее.

– Русик, мне плохо.

– Бывает.

Треснуть его по башке, что ли? А толку? Он же непробиваемый.

Русик появился у нас три года назад, когда приехал поступать в универ из своей Мордовии. На время экзаменов его поселили в гостевую спальню, которая ещё не была комнатой Жанны. Тогда Жанна делила гостиную с папой, хоть и засиживалась ночами за работой, мешая его и без того чуткому сну. А Русик никому не мешал. Жанна как-то сказала, что у него редчайший дар – не напрягать. Сказала, что даже о самых прекрасных гостях невозможно забыть, они каждую минуту ощущаются в доме, но только не Русик. Будто он всегда жил с нами.

Это правда, но я всё равно его изводила. Нарочно вваливалась в комнату без стука, ломилась в туалет или в ванную, стоило ему там закрыться, брала без спроса вещи или разбрасывала их, зная, что он помешан на порядке. Они с папой на пару бахнутые – всё по линейке, по цвету и размеру. И оба невозмутимые. Только папа невозмутимый как-то подавленно, а Русик – полный нейтрал. Поэтому я и бесилась. Кто-то мог подумать, что я его терпеть не могу, ревную и всё такое, но в действительности мне безумно хотелось вывести его из себя. Потому что все люди взрываются, если они не покойники. Не бывает по-другому!

Оказалось, бывает. Во всяком случае, я ничего не добилась. Сколько ни куражилась, Руся лишь печально смотрел, как та Чмошка. Папа не вмешивался – с приездом Русика он не стал разговорчивее. Только Жанна иногда мягко укоряла: «Полегче, Полина». Она как-то сразу вышла на первый план и окружила Русю ненавязчивой заботой. «Называй меня просто по имени – Жанна», – сказала она.

«Жа-анна», – протянул Руся и кивнул. Понравилось.

А мне потом сказал: «Жанна классная, повезло тебе».

«А твоя мама?» – спросила я.

Руся замаялся: «Она... обыкновенная, как все».

Но я представляла Русину мать монстром. Это ведь она не хотела, чтобы мы встречались, пока Русик не вырос и не приехал сам. И хотя папин сын никогда не был для меня секретом, он словно не существовал. Или находился не в Мордовии, а в затонувшей Атлантиде – потерянный и недоступный. Его мама – дракон, он – пленник в башне.

Руся спорил, говорил, что не надо демонизировать его маму. У неё свои причины. Понять можно всех, просто мы мало знаем, и никто не обязан выворачиваться перед нами наизнанку. «Жанна всё рассказывает! Потому что главное между людьми – доверие!» – не соглашалась я. Руся грустно кивал и повторял, что Жанна классная.

Но жить у нас не остался, хотел настоящего студенчества, без взрослых. Папа предложил снять квартиру, Руся попросился в общагу. Ему реально там нравится, и подрабатывает в кофейне Руся не от безденежья, а для души. Я бы и сама так работала, кофейня действительно душевная.

Нет, ну что это бесчувственное бревно столько времени разглядывает на экране?! Я допила кофе, отставила бокал и выхватила Русин смартфон.

– Полина!

– Что – Полина? Брат ты мне или кто?

– Допустим, брат.

– Вот и поговори со мной, брат!

– О чём?

– Мне плохо!

Русик потребовал смартфон назад, сунул его в карман, откинулся на спинку стула и ворчливо спросил:

– Тебе нужен диалог? Или уши?

– Уши.

– Ладно. Выкладывай.

Я рассеянно елозила донышком бокала по стойке и бубнила гадости про Жанну, понимая, что выглядит это, мягко говоря, недостойно: принцесска обиделась. Но я же права!

– ...Представь, если бы я о ней написала. Публично. Например, про то, как она торчит в туалете по два часа с романом Джейн Остин или как принципиально не брызгает освежителем воздуха. Ей бы понравилось? И главное, она не желает это обсуждать.

– Джейн Остин или освежитель?

– Блог свой кретинский! Мало того, что облила меня грязью при всех, ещё и гордится этим. И новые статейки кропает о моих неадекватных реакциях. Издевается. Знаешь, что она спросила, когда я возмутилась? Спросила: «Мы друзья?» Ну конечно, очень дружеский поступок! Нет, я ничего не хочу сказать, она реально крутая и раньше понимала меня лучше всех, но вот сейчас что происходит? Разве можно любить человека, а потом ни с того ни с сего предать? Это просто... просто гадство! Понимаешь? Это несправедливо. Нечестно.

Я совсем раскисла. Шмыгнула носом, подняла взгляд от стойки, рассчитывая на поддержку, но Руся смотрел мне за спину и смущённо улыбался. Оборачиваться не пришлось, достаточно скосить глаза на зеркальную барную панель. Вот же зараза! На соседнем табурете сидела Жанна и внимательно слушала мои стенания, подперев щёку кулаком. Растрёпанная, ненакрашенная, в папиной старой ветровке. Папа у нас могучий, поэтому казалось, что Жанна выглядывает из брезентовой палатки.

– Жанна, – констатировал Русик. И сразу: – Сделать тебе капучино?

– Спасибо, Руслан, но уже поздно. Мы с Полиной домой поедem.

– Не хочу домой, – надулась я. – И вообще, как тебя сюда занесло?

– Ну...

Мне это «ну» не понравилось.

– Только не говори, что просто мимо проходила.

– Всё-таки сварю кофе, – засуетился Русик, и тут я поняла.

– Ты её позвал! Сдал меня!

– Поля, уймись, – вмешалась Жанна. – Я сама попросила сообщить, если появишься. Неужели трудно предупредить, куда идёшь? Или хотя бы телефон не отключать? Вроде взрослый человек, всё понимаешь...

– Только не начинай!

Нет у меня больше сил доказывать очевидное. Устала. Будто целый день взбиралась на очередную горную достопримечательность для блога Жанны и вымоталась до заплетающейся походки, до онемения разума. Какие же они эгоисты, никому нельзя верить, к чёрту их.

Я медленно поднялась, натянула шапку, подхватила пальто с вешалки и молча поволокла себя к выходу. Шарк, шарк.

Дождь на улице перестал, но воздух словно пропитался водой. Сырость моментально просочилась за воротник, в рукава и ботинки. Тусклые лампы фонарей отражались в блестящем асфальте, ветер тащил по тротуару растерзанную упаковку от чипсов. Я придавила её ногой, упаковка смялась с громким треском. Надо отпустить, пусть летит в жаркие страны. И не трещит больше. Пусть будет тишина. Пока не хлопнет дверь и не застучат каблуки Жанны. Вспомнилась забавная штука – металлофон: бьёшь молоточком по железной пластинке, и она звенит вроде тонких каблучков по мокрому асфальту. У меня был игрушечный металлофон в детстве, кажется, папа подарил.

На папу рассчитывать тоже не приходится. Он до сих пор сидит во Владивостоке из-за проблем с автомобильным филиалом. Пару раз приезжал ненадолго, но даже сумку до конца не распаковывал. Мы связываемся по скайпу, редко, потому что папа занят. Плюс неудобная разница в часовых поясах: когда здесь день, там – ночь. А я думаю: неужели его бессонница прошла? А если нет, что ему мешает звонить этой своей ночью? Думаю, но не спрашиваю. Терпеть не могу скайп. Людям и так непросто получать удовольствие от разговоров, а когда болтовня становится обязанностью, это вообще невыносимо. Но не будешь же в онлайн просто на кого-то пялиться, или читать книжку, или ещё что. Как объяснить, что тебе нужны не слова, а присутствие? Быть рядом, и всё.

Не то чтобы я сильно скучала по папе, просто часто чего-то не хватало. Все эти месяцы, с апреля по сентябрь. И вот сейчас до меня дошло, чего именно, – мне не к кому прислониться спиной.

Застучали Жаннины каблуки, пискнула сигнализация, дверцы машины разблокировались, и я влезла на переднее сиденье. Жанна юркнула за руль, включила печку:

– Домой?

– Нет, на бал.

Жанна улыбнулась, но я не стала вежливо скалиться в ответ. Перебьётся.

Она пожала плечами:

– Ладно.

Поехали без музыки. Ночью и без неё хорошо: пробок нет, светофоры мерцают оранжевым, огни – жёлтые, белые, жёлтые, белые – гирляндами скользят по бокам проспекта. Мотор гудит чуть слышно, спокойно... в тепле разморило, накатила сонливость. Так и заснула бы, но Жанна вдруг сказала:

– Прости меня.

– Что?

– Не думала, что расстроишься. Клянусь. Честно, не понимала, почему ты обиделась.

– Теперь поняла?

Я с минуту ждала ответа, но зря. Ясно-понятно. Жанна старается не обманывать, ей легче промолчать.

– Ясно-понятно, – вслух повторила я.

– Слушай, никто не знает, что в блоге – о тебе, – зачастила Жанна. – Я же не называю имя, неставляю фотографии, и сама под псевдонимом.

– Какая разница, главное, что я знаю, – сонливость слетела в секунду. – Знаю, что ты запросто рассказываешь о моём личном. Это личное! Моё! Нельзя брать чужое, про себя пиши. И не заливай больше про доверие, воры и предатели его не заслуживают.

– Полина! Зачем драматизировать? Ведь никаких последствий...

– Это интернет, мама! Все на виду! Даже если не называть имя, рано или поздно правда выплывет! Надо мной вся школа ржать будет!

– Ну нет.

– Да!

Помолчали.

– Хорошо, – сдалась она.

– Ты не будешь вести этот блог?

– Буду. Но про тебя – ни слова.

– Врёшь.

Я разочарованно уставилась в окно. Видеть её не могу. Жанна коснулась моей руки:

– Пожалуйста, поверь. Я не подведу. Обещаю.

Дома сон покинул меня окончательно. Пока ехали, думала: вот доползу до кровати и вырублюсь часов на двадцать. Ага, щас. Веки хоть пальцами прижимай, потому что иначе глаза открываются как у старой советской куклы, только у куклы они распахиваются в вертикальном положении, а у меня – когда ложусь. И мысли, мысли. Хотелось верить Жанне – ошиблась, бывает, главное, что осознала. Она, может, и взбалмошная временами, но к обещаниям относится серьёзно. Но я не верила.

А ещё надо было спросить, почему на заднем стекле её машины наклейка «Продаётся».

И предложить смотаться на каникулах во Владивосток. Мы там не бывали, интересно же.

А завтра первым уроком – самостоятельная. А я учебник в руки не брала.

Блин!

Пришлось вставать, выдёргивать из рюкзака геометрию и топать на кухню. Там я зажгла газ под чайником, открыла книгу, но сразу отложила в сторону и потянула с подоконника журнал сканвордов. Без ручки, ручкой в нём нельзя.

«Боевой зигзаг коренного австралийца».

Бумеранг.

4

К первому уроку я плелась как ёжик в тумане. Туман был самый настоящий, ёжик тоже – колючий, сонный, потерянный. Полночное чтение геометрии знаний не прибавило, осталось только бабушкино средство: положить учебник под подушку в надежде, что теоремы сами переползут в голову. Так я и в зубную фею снова поверю. Хотя она всё равно не явится – наше сотрудничество закончилось после того, как я не согласилась на шоколадку и попыталась вернуть молочный зуб на место с помощью суперклея.

– Привет!

Есть же у кого-то настроение жизнерадостно орать по утрам.

– Эй, Полина! Подожди!

Я обернулась. От соседнего подъезда стремительно надвигалось яркое пятно. Неоново-жёлтая куртка, короткая стрижка торчком, ехидная улыбка. Ксю.

Обычно Ксю выходит пораньше и мы не пересекаемся. Да, живём рядом, учимся в одном классе, но общих интересов – ноль без палочки. Так уж получилось. Она была мне другом, пока в прошлом году не сошлась с парнем из выпускного и не пропала. В смысле, стала очень занятой. Будто надела сапоги-скороходы и унеслась на своих длинных ногах в прекрасное далёко. А когда любовь выветрилась, Ксю ко мне не вернулась, осталась в компании старших. Но это нормально.

Сейчас вообще мало кто дружит по-детски крепко. Из-за ЕГЭ, репетиторов, подготовительных курсов и прочей суеты каждый сам за себя. Мы ведь стараемся для нашего будущего, а оно всего дороже.

Жанна, когда слышит про будущее, презрительно фыркает. Советует хоть в уборщицы идти, если, например, чистота нравится. «И вообще, – недоумевает она, – как можно в вашем возрасте наверняка знать, чего хочешь? Попробовать надо всякое, понять, полюбить какое-то дело». Но универ ждать не будет, там всё строго. А я и правда не представляю, чего хочу. И вся эта серьёзность выбора настолько придавливает, что кто угодно станет мечтать о попаданчестве. В другом мире я была бы метательницей кинжалов, огненно-рыжей красоткой из кочующего цирка и по совместительству охотницей на оборотней. Без высшего образования, потому что там оно даром не нужно. Или какой-нибудь ловкой мошенницей с гадалыми картами, которые...

– Осторожно, не наступи, – предупредила Ксю.

– Что-то ты поздно сегодня, – начала я светскую беседу, обходя грязь. Она обогнула её с другой стороны и пошла рядом.

– Проспала.

– Геометрия?

– Ну да.

Мы завернули за угол как раз вовремя, чтобы увидеть отъезжающий троллейбус. Словно огромная синяя рыба вяло плеснула хвостом и скрылась в туманной мгле. Тупомордый рогатый сом. Мы ему ни к чему, он и так проглотил целую толпу бледных усталых людей. Они невкусные, на следующей остановке выплюнет.

Я тупо смотрела, как, потревоженная троллейбусом, заволновалась гигантская лужа. Как покачивались жёлтые листья в бурой воде, как их ударяло о высокий бордюрный камень.

– Ждать будем? – спросила Ксю.

– Кого?

– Транспорт.

– Не, я пешком.

Ксю достала телефон, глянула на время и нахмурилась.

- Если поднажмём, успеем. Давай быстрее.
- У меня сил нет.
- Всё у тебя есть!

Она схватила меня за куртку и потащила к подземному переходу. Я упиралась, да без толку – легче разжать челюсти Русика на приёме у стоматолога, чем её тонкие музыкальные пальчики. Пришлось ковылять следом. А Ксю между тем решила срезать путь по газону, бодро маршируя и выкрикивая стишок про «осень наступила, падают листья». Не знаю, как листья, но я пару раз чуть натурально не грохнулась. Подошвы кроссовок скользили на траве, шапка сползла на глаза, прядь волос забилась в рот.

- Ксю, дурочка, отпусти! Помедленнее! – взмолилась я на ступеньках перехода.
- Беги, Форрест, беги!

Мы смеялись в тёмном бетонном тоннеле, и голоса отскакивали от стен, разрастались, протягивались эхом. Вынырнув из-под земли по другую сторону проспекта, я наконец по-настоящему проснулась. День уже не казался безнадежно мерзким, холодный воздух приятно обтекал разгорячённое лицо, рюкзак не тянул к земле. Это всё Ксю, она может встряхнуть кого угодно. И я ей благодарна. Была благодарна, пока она не выдала:

- Слушай, твоя мама в психологи подалась?

Мы шли вдоль чёрной ограды из частых металлических перекладин, и Ксю задумчиво вела по ним ладонью. На меня не смотрела.

- С чего ты взяла?

– Так я на неё подписана. На Бегущую вдаль. Читаю блог с тех пор, как... – «...с тех пор, как мы дружили», – могла бы сказать она. – С тех пор, как ты мне про него рассказала. Помнишь? После вашей Турции. Ну, когда вы поехали в Турцию, а в итоге оказались в армянском захолустье?

Я не отвечала – что тут сказать? Попадалово!

– Она хорошо пишет, – добавила Ксю, но мы обе поняли, что прозвучало это так себе, жалкой попыткой прикрыть неловкость.

- Это не она, – выдавила я.

- В смысле? А кто?

- Про путешествия – она, а что потом – нет. Понятия не имею, кто там умничает.

Ксю шлёпала рядом, молчала и недовольно сопела. Её мысли можно было услышать: «Что ты несёшь, я на идиотку похожа?» Пришлось врать дальше.

– Она продала блог. Ну, знаешь, их продают. Популярные сайты, раскрученные ютьюб-каналы и прочее такое. Вот и она продала.

- Зачем?

- Надоело, наверное.

- Значит, про благотворительность кто-то другой писал?

- Угу.

- Жаль.

- Почему?

– Мне нравилось читать. И сейчас нравится. Хотя, если бы моя мамаша начала задвигать в интернете о воспитании, я бы сильно напряглась. Но со стороны даже забавно.

- Это точно.

И до самой школы мы не разговаривали. Уже на крыльце я откашлялась и попросила:

– Ты никому не говори про этот блог, ладно? Они же подумают, что там обо мне. Замучаюсь каждому объяснять что да как.

Ксю торопливо покивала и приложила кулак к груди, мол, клянусь сердцем матери. Была у нас такая нелепая клятва миллион лет назад.

Самостоятельную я писала на автомате. Вздрагивала от каждого шепотка, сутулилась, кусала щёки изнутри. Плохая привычка, но что поделать. Как быстро Жаннин блог просочился в мой класс! Я ведь, когда сказала ей, что в школе узнают, просто пригрозила. Не всерьёз, давила на совесть. И на тебе. Накаркала.

На перемене Ксю подсела к Лунге и Римскому. До чего мучительно делать вид, что я их не замечаю! Кого они обсуждают, меня? Лунга не проблема, он безобидный, но у Римского не язык, а раскалённое шило. На вид о-о-очень хороший парень, картинка из книги про юных героев, но тем, кто покупается на его открытый взгляд и невозмутимую вежливость, можно только посочувствовать. Если Римскому есть что о тебе сказать – прячься, будет больно. Жанна таких называет интеллектуальными поганцами, Русик – кибальчишами, что бы это ни значило, а я просто хочу жить спокойно. Правда, Римский меня в упор не видит, но поди пойми, что у него в голове.

В общем, я реально тряслась в то утро.

Почему, ну почему Жанна не остановилась на благотворительности?! Она же сама твердила, что это знак, посланный свыше. Ответ на все вопросы. Путь. Ага, с большой буквы – Путь. Типа дольмен сработал в нужную сторону. Не случайно же на неё вышли волонтеры и попросили написать в блоге о мальчике с ДЦП именно в тот момент, когда она ждала от Вселенной подсказки.

Тогда Жанна обрадовалась и выставила объявление: срочный сбор средств на оплату лечения. Начала вникать и втянулась. Ей вдруг открылось, что интернетная благотворительность – это огромный мир. Что можно сидеть хоть в Москве, хоть в селе Зашкварное и помогать людям из разных городов и стран. Что она – Жанна – способна сама создавать группы помощи, назначать реквизиты для перевода денег, договариваться о лечении с врачами из разных клиник, в том числе иностранных. И в волонтерское сообщество её приняли как родную. Каждый вечер мы с Русей слушали долгие пылкие монологи: Жанна отыскиала смысл бытия. И хотя она напоминала восторженную девочку с новой игрушкой, я гордилась ею. И Руся тоже.

Месяца три Жанна ела и спала не отходя от ноутбука. Из монитора сыпались тонны человеческих несчастий, но она тянула себя за волосы подобно известному книжному барону и объявляла несчастьям войну.

А потом начала сдавать.

– Понимаете, некоторые люди – такие странные существа, – словно оправдывалась Жанна, пока я и Руся сражались с длинными скользкими спагетти. – Я вроде не должна об этом думать, потому что не моё дело в чужие карманы заглядывать, но всё-таки. Вот смотрите, с одной стороны, у людей беда и надо помочь. Но с другой, у них есть богатые родственники или у самих две квартиры. Могли бы одну продать, раз срочно деньги нужны, да? А люди не хотят, они просят сброситься других. И другие отдают им последние копейки с пенсий и пособий. Нечестно. Как считаете?

– Не все же так делают, – пробормотала я, разглядывая свежие пятна томатного соуса на футболке.

– Не все, конечно, – согласилась Жанна, но словно сомневаясь.

В другой раз я катила тележку по широкому проходу супермаркета, а Жанна рассеянно сбрасывала в неё пёстрые упаковки с полок и размышляла вслух:

– Для сбора денег надо давить на жалость. Выкладывать фотографии с ранами, язвами, швами, видео из больниц. Главное правило профессионального попрошайничества – торговать страданием, чтобы публика содрогалась. Только это как-то... недостойно. Но ведь в борьбе за жизнь все средства хороши? Цель оправдывает?.. А ещё мы должны везде писать: «Спасём!» Как будто можно отменить врождённые пороки или неизлечимые болезни. Я иногда чувствую себя вруней.

Потом она вломилась в мою комнату, отодвинула учебники на край стола, чтобы я отвлеклась от уроков, и раздражённо заявила:

– Почему-то считается, что в нашей стране нормальной медицины нет и надо собирать миллионы на лечение за границей. А для этого необходимо ругать наших врачей. Чуть ли не живодёрами их обзывать. Но я не могу, я отказываюсь!

В конце концов Жанна сказала нам с Русей так:

– Дети мои, всё просто. В этом мире много лжи и манипуляций, но и света предостаточно. Не отказывайтесь помогать, верьте людям. Верьте, но проверяйте всё, что видите в интернете. И пусть победит добро!

Мы с Русей скорчили торжественные мины и пообещали нести свет.

– Вот и хорошо, – обрадовалась Жанна, – а у меня переоценка ценностей. Отдохну, пожалуйста.

Только её уже знали в узких кругах добра, настойчиво звали в благпроекты и отдохнуть не получилось. Может, если бы Жанна повалялась на диване с книжкой и погуляла на воздухе, то вернулась бы к волонтерам с новыми силами. А так...

– Да ладно, это совсем другая сфера.

– Мам, но ты же с религией не дружишь. У тебя вместо православия голова энергетическими вихрями Вселенной забита. А новая волонтерская служба – церковная.

– Ну и что? Я собираюсь раздавать бездомным еду, а не проповеди.

Теперь Жанна много общалась с людьми вживую, без интернета. В блог она писала об общественной работе и о том, что истинное счастье – найти единомышленников и быть полезной. Всё шло гладко, пока новые знакомые из отдела социального служения к ней присматривались и не заводили беседы о вечном. Но когда завели:

– Они искренние и по-настоящему добрые, но некоторые вещи не могу принять. Никак не могу.

Жанна не возмущалась, наоборот – была непривычно тихой. Поникшей. Сидела за ноутбуком и смотрела в погасший монитор.

– Чего такого страшного от тебя хотят?

– Да ничего. Просто я не согласна, что вера должна быть правильной. Что лучшие люди – люди определённых убеждений. Вот тётя Минарет – замечательный человек, и что, из-за другой веры она второго сорта?

– Тётя Минарет?

– Хозяйка гостиницы. На Каспии, когда я расшиблась в аквапарке, а потом был шторм, а потом ты сломала ногу. Помнишь? Она нам помогала тогда – тётя Минарет. И её муж, и дети. На руках тебя носили, закармливали персиками. Ну?

Я действительно забыла, несколько лет прошло. Ногу помнила, а остальное – смутно. Но кивнула, чтобы порадовать Жанну.

– Вот... – вздохнула она. Уныло покрутила колёсико мышки и вдруг резко выпрямилась. – Но это не главное. Стыдно признаваться, но мне неприятно развозить обеды. Когда кто-то тянется, чтобы взять тарелку, вижу грязь под его ногтями, и боюсь, что дыхнёт в лицо, и постоянно помню о вшах, которые могут перепрыгнуть в мои волосы. Понятно, что прыгают блохи, а блохи на людях не живут, но я всё равно чешусь. И при этом корчу из себя святую. Просто люблю себя. Так противно! Я – ничтожество!

Ну вот, приехали.

Время от времени, редко, Жанна тоскует, обзывает себя и стыдит. Если это случается, её надо пожалеть. Обнять, похвалить, сказать, что на самом деле она хороший человек, а для меня – самый лучший на свете. Тогда Жанна берёт себя в руки и продолжает бой. Например, запускает новые проекты.

– Я лучшая мама на свете, твои слова. Значит, мне есть что сказать другим родителям. Чтобы поделиться опытом. А статьи о семейных проблемах очень востребованы, это же здорово! Вот чего ты опять дуешься? Я же пообещала! Расслабься!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.